

**Идеосемантика
как один из компонентов этимологического анализа**

А. Е. Соснина

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация: В результате смены научной парадигмы в середине XX века этимологическое диахронное исследование отошло на периферию лингвистики. С другой стороны, в последнее время часто встречаются попытки не совсем грамотного объяснения происхождения слов на основании одного лишь фонетического сходства. В статье обобщаются критерии научной этимологии, в том числе, идеосемантика, которая выделяется как один из элементов этимологического анализа.

Ключевые слова: Этимологический анализ, синхрония, диахрония, внутренняя форма слова, идеосемантика, лингвокультурология.

УДК: 81-112.2.

Контактная информация: Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. НГТУ, кафедра иностранных языков факультета гуманитарного образования. Тел. +7 (383) 346 02 57. E-mail: anna.sosn@yandex.ru.

Методология диахронного исследования: традиция и современность

Весь XIX век в истории лингвистической мысли, в том числе и российской, можно считать этапом становления новой парадигмы – сравнительно-исторической. В течение долгого времени сравнительно-исторический метод в языкознании противопоставлялся системному описанию языка. В конце XIX – начале XX века происходила постепенная смена научной парадигмы. После Ф. де Соссюра начал углубляться разрыв между синхронной и диахронной лингвистикой. Был провозглашен приоритет синхронного взгляда на язык, в методологическом плане произошел поэтапный переход от сравнительно-исторического метода к преимущественно синхроническому, хотя некоторые лингвисты (например, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и др.) отрицали абсолютность разделения синхронии и диахронии. Сравнительно-исторический и этимологический анализ отступили, таким образом, в сторону. Подобная си-

туация была обусловлена рядом причин. Западное сравнительно-историческое языкознание чаще всего ограничивалось узким кругом языков, описывая их преимущественно в терминах античных грамматик. Отечественная языковедческая традиция склонна была концентрироваться на фактах прошлого, оставляя без внимания современное состояние языка и системные связи между его элементами. «Нечего и говорить, – писал В. Н. Топоров, – что проблемы этимологического анализа в современном теоретическом языкознании пока оттеснены на периферию. Было бы ошибочным считать такое положение случайным. Более того, в известном смысле можно сказать (хотя заранее легко предвидеть многочисленные возражения со стороны этимологов), что этимология заслуживает той участи, которую она разделяет теперь. Перед этимологией открываются два пути: или примириться с ее все уменьшающимся значением, или же выработать новые методы анализа, приведя их в соответствие с достижениями современного теоретического языкознания» [2004, с. 19].

Среди новых методов анализа Топоров называет, в том числе, системный синхронный анализ. Под ним понимается исследование парадигматических, синтагматических, деривационных и других системных связей языковых единиц в структуре языка. Исследование сочетаемости слова, т. е. его синтагматических связей, создает контекст, который зачастую позволяет уточнить значение слова, как его интерпретируют толковые словари. При обращении к истории слова необходимо учитывать синонимические, антонимические, омонимические и др. связи слова. Современное диахронное исследование также не может оставить без внимания открытия в области лингвистической типологии. Типологические параллели дают возможность верифицировать полученные результаты. «Сравнительная грамматика, пафосом которой всегда была и остается реконструкция, не обходится теперь без приемов типологической и ареальной лингвистики. Она все более превращается в историческую типологию родственных языков, в дисциплину, которая ставит своей задачей не только реконструкцию морфем, лексем, их парадигм и отдельных синтаксических конструкций и связей, но и реконструкцию фонологических, морфологических и синтаксических систем и их отношения к другим родственным системам, естественно, с попытками их территориальной и хронологической приуроченности [Толстой, 1963, с. 29]. Именно в типологии видит О. Н. Трубачев способ проверки диахронических построений: «В конце концов, типология (т. е. общее правдоподобие, *probabilité*) развития есть не что иное, как правильная идентификация диахронических тождеств. Именно типология семантического развития определяет реконструкцию значений слов» [Трубачев, 1988, с. 4–5].

С середины XX века в исследованиях по истории языка все чаще обращается внимание на семантику слов. По замечанию В. Н. Топорова, «семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и загадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ. Само же развитие этой области знания носит интенсивный характер, и в ней можно со временем ожидать прорыва в новые сферы, в частности, начала экспериментальных работ по формированию смыслов и их целенаправленному изменению» [Топоров, 2004, с. 7]. Семантика пронизывает все уровни языка. Семантическая реконструкция возможна в результате анализа памятников

письменности, в которых фиксируются изменения значения слова, обращения к лексическим данным толковых словарей русского литературного языка и диалектов, а также толковых и этимологических словарей других языков. О. Н. Трубачев отмечает, что «семантическая реконструкция средствами этимологии является одним из источников реконструкции древней культуры – духовной и материальной» [2004, т. 1, с. 125]. Ученый делает важный вывод о том, что производные слова составляют более старое значение, а непроизводные – образуют семантические инновации: «довольно часто семантическое новообразование если и сопутствует формально-фонетическому новообразованию, то отнюдь не обязательно совпадает с ним в одном слове; напротив, при этом нередко складываются отношения своеобразного парного равновесия, при котором новообразование формы одного слова компенсируется новообразованием значения другого слова» [Там же, с. 220]. В настоящее время в современных лингвокультурологических исследованиях в рамках семиотики и когнитивной лингвистики очень большое внимание уделяется семантике слова, но при этом игнорируется его форма, что зачастую приводит к неправильным результатам. Взаимосвязь формы и содержания в языке образует диалектическое единство. С одной стороны, мы можем наблюдать тенденцию формы выразить как можно больше содержания (стремление к многозначности), а содержания – выразиться в как можно большем количестве языковых форм (стремление к синонимии). С другой стороны, языковая форма стремится к конкретности, в то время как содержание развивается от наглядно-чувственного отражения предмета мысли к абстрактному [Алефиренко, 2005, с. 103].

В немногих этимологических исследованиях все же отмечается тесная взаимосвязь формальной и семантической реконструкций. Например, Е. М. Мотузенко в работе «Этимология и семантика» говорит о том, что «методика этимологизирования должна основываться на семантических закономерностях и особенностях отражения этих закономерностей в форме» [2006, с. 35].

Для разных периодов в истории языка понятия семантики и формы трактовались по-разному, неоднозначно. Следует помнить о том, что понятия наших предков могли не совпадать со сходными понятиями современных людей. Чем старше семантика слова, тем больше сохраняет она раннее отражение действительности с типичным для нее функционально-целостным характером. Семантическая нерасчлененность определяется не только стремлением к сгущению мысли и чувства, но и восходит к древнему синкретизму, к архаическому мышлению. Для синкреты существенны именно смыслы (объем понятия), а не индивидуальное значение и не системная значимость современного слова. Синкретизм – одно из существенных отличий сознания древнего человека, при синкретизме происходило совпадение в едином образе слова (знака), понятия и предмета (вещи). В языке это проявляется в синкрете. Синкрета есть сложное понятие, представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке) [Колесов, 2004, с. 49]. Синкретизм языкового знака – это выражение определенной формы сознания, имеющее отношение к внеязыковой действительности, к выражению древней культуры. Реконструкция древней культуры, по Трубачеву, – это реконструкция ее духа. Раскрытие его, в свою

очередь, приближает нас к проблеме реконструкции древней идеологии, убеждает в том, что «аспект самосознания и мировоззрения – главнейший аспект человеческой культуры, в том числе культуры древних славян» [Трубачев, 2003, с. 180]. Со временем, вследствие познания реального мира происходит расширение семантики слова, так как человек начинает выделять новые признаки в известных предметах (процесс дифференциации) и сравнивать предметы и их признаки (ассоциации по сходству и по смежности). Происходит распад синкреты сначала на полисемию, а потом на омонимию. Самый пространственный вид семантического изменения – это возникновение новых значений, расширение полисемии слова. Полисемия (от греч. *polysemos* – многозначный) – наличие у единицы более чем одного значения, при этом между этими значениями существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова. Развитие многозначности происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов и явлений действительности. При этом многозначное слово отличается от синкреты тем, что: «1) в синкрете денотат дан в его целостности, а многозначность определяется по сумме признаков, 2) сколько бы не было контекстных «значений», в синкрете они равноценны, тогда как многозначность предполагает иерархию выявленных значений, 3) синкрета не допускает коннотаций, тогда как полисемия построена на их движении, 4) эквивалентные отношения синкрет при многозначности сменяются привативными оппозициями» [Колесов, 2004, с. 55].

В настоящее время соотношение полисемии и омонимии является одним из спорных моментов в лингвистике. Некоторые исследователи, разделяя эти явления, говорят о связи значений и отсутствии этой связи при омонимии. Такие ученые, как В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, В. В. Иванов говорят об отсутствии омонимии. А. А. Залевская, напротив, отрицает полисемию, считая, что лексико-семантические варианты многозначных слов хранятся в лексиконе человека раздельно, как омонимичные слова.

Полученные лингвистическим путем данные могут быть верифицированы через обращение к историко-ареальному и хронологическому фактору. В историческом анализе использование лингвогеографического метода необходимо и является важным дополнением к нему. Хронологический критерий требует знания реалий, учета особенностей древнейшей материальной и духовной культуры. «Культурно-исторический комментарий эксплицирует фоновую информацию, которая может оказаться значимой при реконструкции внутренней формы слова» [Шелепова, 2005, с. 61]. Уход в глубины языка дает нам выход на реальность. Этимология вскрывает то, что не лежит на поверхности, а следовательно, то, что меньше всего искажается. Охарактеризовав этапы реконструкции, выделяемые Л. И. Шелеповой, мы можем заметить, что при реконструкции слова все эти «критерии правильности» необходимо использовать в неразрывном единстве друг с другом, так как используемые по отдельности, они будут малоэффективны. Это еще раз убеждает нас в правильности выбранного нами синтезирующего подхода, где язык исследуется в единстве всех его сторон и многообразия типов связей.

Во второй половине XX века на место системно-структурной парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая и динамическая. В центре интереса

лингвистов оказывается человек, отраженный в зеркале языка. В современном языкознании в русле этой парадигмы появляется целый ряд направлений, среди которых когнитивная лингвистика и лингвокультурология, позволяющие понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией. Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании. Несмотря на то что эти методы изначально применялись в части сравнительно-исторических исследований, сейчас они становятся все более популярными и актуальными. Таким образом, современный сравнительно-исторический метод интегративен по своей сути, имеет междисциплинарный характер, сохраняя при этом свои традиционные черты.

Соотношение синхронии и диахронии

В русле описанного выше синтезирующего подхода к этимологическому анализу находятся и попытки объединить лучшие достижения синхронных методов исследования, в том числе системно-структурного и сравнительно-исторического. Как уже было сказано, после «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра современное и историческое в лингвистике были принципиально разведены. Подобную точку зрения не разделяли другие ученые-структуралисты, например члены Пражского лингвистического кружка. Компромиссная точка зрения состояла в том, чтобы рассматривать последовательно различные синхронные срезы, создавая, таким образом, динамическую картину языковых изменений. Вопрос о соотношении синхронии и диахронии был признан «узловым вопросом всего теоретического языкознания» на дискуссии 1957 года, участие в которой принял целый ряд известных отечественных ученых. Общий вывод, подводящий итог этой дискуссии, был сформулирован Б. В. Горнунгом: «...каждый факт языка и существует, и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей – связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предыдущим и последующим состоянием самого этого факта» [1960, с. 11]. В последние десятилетия диахронический фактор приобретает все большее значение. По замечанию В. А. Плуногяна, «для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов» [1998, с. 355].

Синтез синхронного и диахронного подходов позволит наиболее полно воссоздать семантический портрет слова в его динамике и во всей его полноте. Однако важно при этом, следуя принципу историзма, не смешивать разновременные срезы языка. Тенденции к подобному смешению наблюдаются в ряде лингвистических работ. Также необходимо учитывать критерии правильности этимологического анализа, выработанные почти за два века. Реконструкция в самом широком смысле является одним из важнейших инструментов и одно-

временно целью сравнительно-исторического метода. Существуют две методологические процедуры реконструкции.

1. Внешняя реконструкция, которая имеет дело со сравнением родственных языков. Она единообразна по составу приемов, включает в себя отбор и сопоставление тождественных и близких языковых единиц и основывается на высокой частотности реконструируемых явлений в языках одной общности. Также выделяют обратную реконструкцию, как разновидность внешней. Такая реконструкция проводит построение праязыковых состояний разного уровня и порядка. Причем общегрупповое языковое состояние соотносится с предшествующим.

2. Внутренняя реконструкция, которая ориентирована на синхронную систему засвидетельствованных языковых форм, опирается на «остаточные» формы, малые парадигмы и предполагает сравнение языковых единиц внутри одного языка. По словам Е. Куриловича, внешняя реконструкция делает диахронические выводы на основе синхронного анализа языковых данных. Внешняя и внутренняя реконструкция взаимно проверяют и дополняют друг друга и немыслимы одна без другой.

О. Н Трубачев [1988, с. 197] выделяет несколько типов реконструкции, а именно формально-фонетическую, словообразовательно-лексическую и семантическую. По словам В. П. Нерознака, «основной смысл реконструкции состоит в наиболее адекватном и непротиворечивом раскрытии поэтапного развития и исторического изменения частных подсистем и системы в целом языков, восходящих к единому источнику» [1988, с. 28]. По нашему мнению, ключевое слово в данном случае – «поэтапное», при котором осуществляется тщательный системный анализ словообразовательных, лексических, синтаксических синонимических, антонимических и других связей слова на каждом отдельном синхронном срезе. В результате получается непротиворечивое и, насколько это возможно, полное представление о фрагменте языковой картины мира. «Необходимость синтеза результатов синхронного и диахронного анализа языкового материала в исследованиях, нацеленных на рассмотрение эволюционных изменений на разных уровнях и фрагментов языковой системы, не отменяет одно из основных требований противопоставления по-сосюровски синхронии и диахронии: не смешивать факты синхронии и диахронии. Это требование остается актуальным и сейчас: не смешивать в анализе, а сопоставлять результаты этих взаимодополняющих подходов к языку. Теоретический уровень современного языкознания и гуманитарных наук в целом, установки на междисциплинарность исследований, значительные успехи семантики позволяют ставить и решать вопрос о расширении исследовательского поля лингвистики, об антропологической лингвистике, и чаще всего в рамках когнитивной аспектации анализа языкового материала. Но при этом нужно осознавать, что значимость интерпретационной лингвистики (каковой себя позиционирует лингвокогнитивистика) напрямую зависит от того, насколько основательны те синхронные и диахронные построения, на которые она опирается» [Дронова, 2009, с. 120].

Идеосемантика

Идеосемантика и внутренняя форма слова

Все описанные выше методики подробного и всестороннего анализа слова или этимологического гнезда позволяют не только восстановить фонетический облик слова и его словообразовательную и семантическую структуру, но делают возможным воссоздание широкого круга эмоциональных и иных глубинных представлений, отражающих древнюю и современную историю слова, которую В. И. Абаев называл идеосемантикой. Выше уже говорилось о новой, антропологической парадигме лингвистики, позволяющей учитывать субъективную, духовную составляющую языка. Одним из важных понятий, дающих возможность посмотреть на язык с этой стороны, является понятие *внутренней формы* (русский перевод термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* – *внутренняя форма языка*), под которой ученый понимал взгляд на мир того или иного народа, «дух народа», скрытый отчасти в строе языка [1984, с. 304]. Структурная лингвистика незаслуженно обходила ее, но сейчас интерес к ней появляется снова. А. А. Потебня, используя введенный В. фон Гумбольдтом термин, придал ему иное значение. В работе «Мысль и язык» А. А. Потебня писал: «В слове мы различаем: *внешнюю форму*, т. е. членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание». При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутренней формой. Например, различное содержание, мыслимое при словах *жалованье*, лат. *annuit, pensio*, фр. *gage*, может быть подведено под общее понятие платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых словах: *annuit* – то, что отпускается на год, *pensio* – то, что отвешивается, *gage* первоначально – залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как *жалованье* – действие любви, подарок, но никак не законное вознаграждение, не следствие договора двух лиц» [Потебня, 1892, с. 105–107]. Понятие внутренней формы слова прочно вошло в лингвистику и было впоследствии перенесено на фразеологизмы (В. Н. Телия) и вообще на любые тексты (Е. Е. Чикина): «внутренняя форма есть “точка отсчета” существования текста и во многом залог его дальнейшего существования в той или иной форме в определенной концептуальной картине мира, от индивидуальной до национальной. Если тот или иной текст является прецедентным для данной культуры, т. е. входящим в ее когнитивную базу, то, в рамках структуры концепта, предложенной Ю. С. Степановым, внутренняя форма этого концепта будет совпадать с самим телом текста, определяя последующее развитие актуального слоя и ядра. За внутренней формой всегда стоит создатель текста, который сам фактом его создания изменил реальности. Такое понимание внутренней формы снова приближает лингвистику к идеям В. фон Гумбольдта. Внутренняя форма как результат речетворческого акта и сам этот акт, несомненно, принадлежит к базовым понятиям когнитивной лингвистики» [Чикина, 2005, с. 1]. Обратим внимание на момент, который кажется нам существенным: то, что Гумбольдт называл «духом народа», т. е. представление о мире, национальная картина мира, по мнению многих исследователей, раскрывается через текст в широком

смысле этого слова. Таким образом, еще один значимый аспект реэтимологизации – это соотносительность с понятием внутренней формы слова. Изначально она определялась А. А. Потебней и развивавшим его идеи А. Ф. Лосевым как отношение мысли к сознанию, способ номинации, основанный на субъективном понимании объективного смысла вещи, который мог приобрести общеязыковой характер или остаться индивидуальным [Чикина, 2005, с. 1]. В современной отечественной лингвистике это понятие остается актуальным в рамках мотивологии – языковедческой дисциплины, изучающей специфические проявления лексики в процессе взаимодействия языковой формы (звучания) и значения. О. И. Блинова трактует внутреннюю форму слова как «морфосемантическую структуру, позволяющую объяснить связь его звучания и значения» [2007, с. 61], утверждая, таким образом, возможность анализа мотивированности лексических единиц и процессов номинации в целом.

Идеосемантика в концепции В. И. Абаева

Идеосемантика – сумма познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем, термин, который, собственно, впервые и ввел В. И. Абаев. Раскрытию этого понятия, его истории связей ученый посвятил три статьи: «Язык как идеология и язык как техника» (1934), «Еще о языке как идеологии и как технике» (1936), «Понятие идеосемантики» (1948). В них автор разделяет два вида языка – «язык как технику» и «язык как идеологию». Первая из них выражает чистое понятие, лексическое значение слова, «ядро», по выражению автора, в то время как вторая – точку зрения носителей языка, «авторов» слова на это понятие, на то, как происходила номинация, какие ассоциации вызывала. Это субъективная идеологическая «оболочка», окружающая «ядро». По утверждению В. И. Абаева, языки склонны к «технизации», т. е. к постепенному переходу оболочки в сферу ядра. Процессом технизации автор склонен объяснять и фонетические изменения в языке, и последовательное движение языков в сторону аналитизма [2006, с. 30–33]. По замечанию Алпатова, «оценка процесса технизации у В. И. Абаева двойственна. С одной стороны, «технизация языка оказывается... истинным благодеянием: она экономит обществу силы, она избавляет общество от непосильного труда вновь и вновь переделывать сверху донизу свою речь». Однако «процесс технизации несет в себе... могучую унифицирующую тенденцию, которой живое семантическое сознание *сопротивляется*» [Алпатов, 2006, с. 8]. Интерес к «идеологической» стороне языка и сам факт ее выделения в языке был новым шагом в лингвистике первой половины XX века, так как Ф. де Соссюр относил субъективные, идеологические проявления к сфере речи, а не языка, а многие его последователи вообще оставляли без внимания субъективное в языке. В том же пороке, в чрезмерной технизации, сам В. И. Абаев упрекает своих предшественников, ученых-индоевропеистов [Абаев, 2006, с. 42].

Хотя две более ранние статьи и посвящены идеологической стороне языка, само понятие идеосемантики появляется в труде 1948 г. Так же, как и в отношении языков, В. И. Абаев выделяет две семантики – малую и большую: «Семантика слова встает перед языковедом-историком в двух аспектах: с одной стороны, семантика как общеобязательный минимум смысловых функций,

определяющий современное коммуникативное использование слова, это – “малая семантика”, которую можно назвать также семантикой “сигнальной” или “технической”; с другой стороны, семантика как сумма тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем, это – “большая семантика”. Для последнего, более широкого понимания семантики мы предложили в свое время термин “идеосемантика”» [Абаев, 2006, с. 59]. Автор сам отмечает, что понятия «идеосемантика» и «внутренняя форма» близко подходят друг к другу – они оба связаны с идеологией языка, – и сам отмечает разницу между ними. По его мнению, Гумбольдтовская *внутренняя форма* замыкает языки внутри себя, или, если следовать собственной метафоре В. фон Гумбольдта, «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг» [Там же, с. 63]. Идеосемантика, напротив, сближает языки, так как связана с общностью социального уклада и мировоззрения.

По мнению В. И. Абаева, идеосемантика выполняет следующие задачи: после того, как идеосемантика будет вскрыта с помощью этимологического анализа, она даст возможность узнать и глубже понять исторические реалии, с которыми связана. Автор приводит в качестве примера осетинское *wacajrag* ‘пленник’, связанное с пехл. *vacar* ‘торговля’. Суффикс *-ag* означает ‘предназначенный для чего-либо’, на основании чего делается вывод, что «осет. *wacajrag* ‘пленный’ имеет идеосемантику ‘предназначенный для торговли’, ‘предмет купли-продажи’. Обращаясь к историческим реалиям, мы устанавливаем, что, действительно, у горских народов Кавказа, в том числе у осетин, пленные служили в прошлом по преимуществу предметом купли-продажи. Какого-либо другого хозяйственного их использования, в качестве рабов или крепостных, не могло быть в сколько-нибудь широких размерах в силу примитивного состояния хозяйства и социального строя у осетин того времени. Таким образом, идеосемантика слова *wacajrag* оказывается для историка ценным косвенным свидетельством о социально-экономических реалиях осетинской истории, не менее надежным и заслуживающим доверия, чем самый достоверный исторический документ» [Там же, с. 60].

Возможна и обратная ситуация: установленная сравнительно-историческим путем идеосемантика сама позволяет уточнить этимологию. Так, приводится пример с осет. *oefsir* ‘колос’, по утверждению В. И. Абаева, если не знать его идеосемантической составляющей, вызывает затруднения при этимологизации. Исходя из факта, что само понятие связано с определенной стадией земледелия, автор делает вывод, что его идеосемантика должна совпадать в языках, относящихся к аналогичной стадии. «Обратившись к названию колоса в некоторых языках, в частности к русск. *колос*, – пишет ученый, – мы установили, что наречие колоса в большинстве определялось его внешней формой и связано с понятиями “острый”, “острие” и пр. Получив таким образом определенное указание на возможную идеосемантику осет. *oefsir*, мы без труда нашли также этимологию этого слова. Данные исторической фонетики позволяют восстановить исходную форму **sper*. Эту основу мы действительно находим в ряде индоевропейских языков в значении “острие”, “вертел”, “копье” и т. д. (ср., например, нем. *Speer* ‘копье’)» [Абаев, 2006, с. 60].

«Кроме того, идеосемантика позволяет погрузиться в мировоззрение человека самых отдаленных эпох. «Осет. *oevzist, oevzestoe* ‘серебро’ восстанавливается в виде **zvesta* и оказывается родным братом русск. *звезда*. Очевидно, наречение относится к той далекой от нас стадии, в которую металлы получали свое название почти исключительно в семантическом круге космических понятий: неба, солнца, луны, звезды». По мнению автора, идеосемантика в течение веков наслаивается на «технизированное ядро» в виде эмоциональных отношений, ассоциаций и т. п., сохраняя таким образом древнейшие эмоциональные представления и не оставаясь неизменной, но постоянно меняясь. Наибольшее значение идеосемантика, по утверждению В. И. Абаева, приобретает в художественной речи. Кроме того, «семантическое содержание слова определяется не только тем, что оно означает, но и тем, чему оно противопоставляется. Такую связь между двумя словами-понятиями, которая основана на противопоставлении одного другому, мы будем называть “оппозиционной” или “антагонистической”». «Простейшими примерами слов-антагонистов могут служить такие пары, как *день* и *ночь*, *свет* и *тьма* и т. п. Наряду с антагонистическими, между словами-понятиями существуют связи иного порядка, которые мы, за неимением лучшего термина, будем пока называть “симпатическими” и которые также входят в идеосемантическую структуру слова». Согласно нашей современной терминологии, «антагонистическим связям» отчасти соответствуют антонимические, а «симпатическим» (например, *день* – *свет*) – синонимические, хотя термины, использованные В. И. Абаевым не совпадают полностью с приведенными и в большей степени связаны с культурными представлениями людей, нежели с собственно лексикологией. Тем не менее, следуя идеям ученого, мы считаем целесообразным рассматривать синонимические и антонимические связи слова или этимологического гнезда для более полного воссоздания его «идеосемантической оболочки». Такой анализ, кроме того, абсолютно соответствует современному представлению о синхронном системном подходе к изучению лексики, предложенном В. Н. Топоровым и описанным выше [Там же].

Несмотря на то, что «идеосемантический» компонент со всей очевидностью присутствует в слове, именно под таким названием он рассматривался редко. Некоторые отечественные лингвисты (О. Н. Трубачев, С. Сорокин и др.) говорят об идеосемантике применительно к трудам самого В. И. Абаева. Большинство же лингвистов, занимающиеся проблемами реконструкции семантики предпочитает говорить о внутренней форме, языковой картине мира или семантической реконструкции. Разумеется, пересекаясь в некоторых аспектах, термины эти во многом различаются. О внутренней форме уже было сказано. Что же касается семантической реконструкции, то восстановление идеосемантики является частью общей семантической реконструкции слова или корня. Без этой специфической ассоциативной «оболочки» представление о слове не было бы полным. Так, О. Н. Трубачев в статье «Проблемы семантической реконструкции» использует термин «идеосемантика», только анализируя статьи В. И. Абаева. Однако, возможно, в представлении об «углубленном понимании значения», которое, по мнению автора, «уже тем самым есть его реконструкция» [Трубачев, 1980, с. 3], должна входить и реконструкция идеосемантики. Также Олег Николаевич высказывает предположение, что слово

содержит больше информации, чем улавливает наше сознание; внутренняя форма, идеосемантика слова может восстановиться, ретимологизироваться через речь. Владимир Николаевич ссылается, в том числе, на австрийскую исследовательницу У. Ройдер. Последняя, изучая семантические переходы внутри ряда греч. *thumos* 'мужество, ярость', др.-инд. *dhumah* 'дым', лат. *fumus* 'дым' и хет. *tuhhima*- 'одышка, удушье', «реконструирует не только, в общем, очевидное направление семантического развития 'дым' > 'мужество, ярость' и фрагмент соответствующего представления древних индоевропейцев о мужестве или ярости как о внутреннем огне, разжигаемом в теле желчью и раздуваемом мехами легких. Гораздо важнее следующий вывод У. Ройдер: «Работа по реконструкции облегчается тем, что потускневшие картины мира (*verblasste Weltbilder*)... продолжают жить в оборотах речи еще очень долго, иногда тысячелетия» [Roider, 1981, S. 109] (цит. по: [Трубачев, 1988, с. 3]). Примеры последнего исследовательница видит в немецких выражениях *rauchen vor Wut* (ср. рус. *пышет яростью*) – *der Zorn verbraucht, der Mut wird gekuhlt*. Таким образом, О. Н. Трубачев, возвращаясь к мысли В. И. Абаева о возможности восстановления идеосемантики через художественный текст, пишет, что «ретимологизация осуществляется не всегда и не во всякой речи, а в выдающемся образом организованной речи. И далее: «к плодотворной абаевской концепции идеосемантики и ее пробуждения в высоких стилях речи примыкают и наши суждения о собственном, специфическом значении слова как знаменателе важности собственного происхождения слова, а также о том, что этимология предопределяет стилистику слов (на примерах слов со значением 'торговля' в разных европейских языках). Современное речевое употребление – при обязательном условии точности его описания, записи – хранит большие потенции вскрытия непрерывного действия этимологических связей» [Трубачев, 1988, с. 181]. Можно предположить, что «стилистика» в данной цитате – это, как раз и есть то, что в терминологии В. И. Абаева называется идеосемантикой.

Статья Н. Н. Запольской посвящена проблеме отражения идеосемантики отдельно в именах собственных. Автор рассматривает пример с именами *Петр* и *Павел*: «...грамматические сочинения демонстрировали скрытую идеосемантическую интерпретацию собственных имен посредством построения именных систем, т. е. посредством установления между именами определенных симпатических связей, позволяющих считывать идеосемантику имен». Идеосемантика, по мнению автора, включает «основной, этимологический, константный семантический компонент и дополнительный, культурно отчуждаемый, переменный семантический компонент, задающий симпатические и оппозиционные связи имени собственного с другими именами собственными или с не-именами. Зависимость характера идеосемантики от меняющихся во времени и пространстве культурных доминант делает имена собственные ценностным культурным ориентиром и тем самым предметом постоянной, напряженной идеологической и филологической рефлексии» [Запольская, 2007, с. 133].

В последнее время две упоминаемые статьи В. И. Абаева специально рассматривала Т. М. Николаева, справедливо отмечая сходство понятие языка как идеологии с тем, что теперь принято называть картинами мира в языке, но не

конкретизируя, в чем сходство и различие между этими понятиями [Николаева, 2000, с. 581].

Идеосемантика в художественном тексте

Подчеркнем еще раз: идеосемантика тесно связана с художественным текстом. Однако если идеосемантика наиболее очевидным образом проявляется в тексте, то и анализировать ее было бы эффективно прежде всего через текст. Воссоздание концепта не будет полным без этимологии, а этимологизация слова невозможна без текста. По утверждению Ю. С. Степанова, «основой этимологии является не сопоставление парадигм и отдельных лексем (слов), а текст: подлинная и истинная этимология – всегда в тексте» [2004, с. 140]. Сам В. И. Абаев также считал, что «идеосемантическая оболочка» значения особенно важна в художественной речи и высшее мастерство художника слова заключается в «умении заставить играть слово всеми теми многообразными и тонкими идеосемантическими оттенками и ассоциациями, которые оно несет... из глубины своего прошлого» [2006, с. 60]. Случаи стихийного возрождения древних архетипов или оживления этимологии в художественной литературе нового и новейшего времени являются, на наш взгляд, самыми интересными. Как заметил С. Г. Проскурин, «одним из критериев установления группировок культурно значимых текстов... является новый подход к соотношению собственно этимологического анализа, с одной стороны, и анализа фрагментов текста – с другой» [1990, с. 12]. Сказанное предполагает новую, более широкую интерпретацию явления «идеосемантики», впервые отмеченного В. И. Абаевым, открывая новые перспективные методы и способы рэтимологизации. В самых общих чертах явление рэтимологизации определяется как «оживление в речи (высокой, поэтической, окказиональной) отдельных, казалось бы, давно забытых этимологических связей слова» [Трубачев, 1988, с. 204]. Как отмечает О. Н. Трубачев, подобная ситуация характерна для поэтической (художественной) речи, организованной особым образом и являющейся одним из естественных условий рэтимологизации [Там же, с. 205]. При этом в художественном тексте достаточно часто активизируются «окказиональные» этимологические связи слова, обусловленные «кодом поэтической речи и индивидуальных ассоциаций». В качестве иллюстрации данного тезиса В. Н. Топоров приводит строки М. Цветаевой, в которых слово «минута» соплагается с целым рядом как бы «родственных» ему (в контексте стихотворения) слов:

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута – милостыня псам! [Топоров, 2004, с. 31]

В. Н. Топоров, описывая особый статус мифопоэтической этимологии и соответствующего ей модуса этимологизирования, отмечает «прямую зависимость между структурой семантической парадигмы слов (набором семем) и правилами синтагматического развертывания этой структуры в соответствующем тексте, иначе говоря, все мотивы, связанные с данным словом... суть этимологические решения этого слова» [Топоров, 2004, с. 31]. Среди недавних

исследований следует отметить работы С. Г. Проскурина и Е. В. Соснина, обобщивших различные взгляды на художественный текст как источник ретимологизации в качестве метода анализа художественного имени. «Особый интерес, – пишет С. Г. Проскурин, – для нас представляет опыт экстрагирования фрагментов смысловой системы пространственных представлений (концептуализированных областей) через анализ пространственной лексики в письменных текстах в динамике (диахронической перспективе)». По мнению С. Г. Проскурина, «необходимость обобщения различных подходов к историческому изучению слова и текста в их взаимосвязи обусловлена природой художественного имени, представляющего собой мифологически значимый текст как развертку некоего “прототекста” или “формулы”, образованной на базе определенного культурного имени» (С. Г. Проскурин), чья внутренняя форма непосредственно «развёртывается в действие, составляющее мотив» (О. М. Фрейденберг), основанный на последовательном подключении контекста – текста – культурной среды и «соразмерности» научной этимологии и художественного воплощения имени. С. Г. Проскурин иллюстрирует эту идею на примере нескольких важных с точки зрения культуры англосаксонских терминов. Один из таких ключевых терминов англосаксонской культуры – лексема *weorold* ‘человеческий возраст’, ‘человечество’, ‘жизнь’, ‘мир’, интерпретируется С. Г. Проскуриным как «человек проросший» (от др.-англ. *wer* ‘человек’ и *alan* ‘расти’ (J. Knoblock). «Глубинная семантическая идея роста, развития, обуславливающая исходное пространственно-временное значение сигнификата, актуализируется в микромотиве «движущегося мира». В ранних текстах преобладают сочетания *weorold* с глаголами циклического движения по кругу, среди которых выделяется архаическая формула *weorold wendeth* ‘мир вращается’, скрепленная аллитерацией: *aerthon edwenden worulde geweorthe* (Ph., 40) – ‘прежде чем произойдет новое вращение мира’. В других контекстах микромотива, не получивших формульного воплощения в ранних поэтических памятниках, *weorold* употребляется с глаголами направленного движения... Утвердившееся под влиянием христианства представление о мире во времени, развивающемся по прямой к своему концу – второму пришествию Христа (открытие линейного времени), пришло на смену языческим представлениям о круговороте хронотопа (пространственно-временного единства)» [Проскурин, 1990, с. 18–19].

Е. В. Соснин развивает положение о ретимологизации через текст, анализируя ряд концептуальных для древнегерманской модели мира формул через их интерпретацию в произведениях Дж. Р. Р. Толкина. Одна из мифопоэтических формул, рассматриваемых автором, – древнегерм. **midja-gardaz*, (ср. древнеисл. *Miðgarðr*, древнеангл. *midðangeard*, а также современный английский топоним *the Midlands*). «Учитывая соотносённость синтагматического и парадигматического уровней языка, а также реконструкцию С. Г. Проскурина, мы можем интерпретировать этот композит как свёрнутое словосочетание с партитивным или локативным значением “середина огороженного пространства; в середине огороженного пространства”. Художественные тексты Дж. Р. Р. Толкина последовательно отражают все микромотивы, представленные древнегерманским композитом. Часть из них, вероятно, самые архаичные, раскрываются через семантическую структуру “эльфийских” языков, прочие

же воплощены непосредственно в развёрнутых текстах. Общий мотив “**midja-gardaz* – огороженное пространство”, реализуется во многих контекстах и соответствует модели древнегерманского мифологического пространства, например: “*the Middle-earth lies amidst the World, and is made of land and water; and its surface is the centre of the world...*” – “Средиземье покоится посреди Мира и состоит из суши и воды, и поверхность его – середина мира”. Исходный микромотив исторической модели “**Огороженное пространство – хутор**” выявляется на этимологическом уровне из так называемых “эльфийских” языков. Элемент *mar* “обитель людей, страна, Земля” в *Qu. Pelmar* и *Ambar-endya* восходит к “праэльф.” *MBARA* и родственно *Qu. Masto* “село” и *-mas* “суффикс в названиях населённых пунктов, сёл и городов”, что соответствует семантике прагерм. **gardaz*. Микромотив “**Огороженное пространство – земля, окружённая со всех сторон водой**” реализуется в контексте “Сильмариллиона” при описании начала дней: “*Aule... wrought two mighty lamps for the lighting of the Middle-earth which he had built amid the encircling seas*” – “Ауле сработал два огромных светильника, дабы осветить Средиземье, которое он воздвиг среди окружающих его морей”. Микромотив “**Огороженное пространство – мир, замкнутый в стенах**” появляется в космологическом очерке “*The Ambarkanta*”: “*About all the World are the Ilurambar, or Walls of the World*” – “Весь Мир окружают Илурамбар, или Стены Мира» [Соснин, 2011, с. 9–10].

Изучение реэтимологизации имени через художественный текст, и в частности через имена собственные, продолжает А. К. Тарабакина в диссертационном исследовании «Языковые средства имплементации мотива: аутопоэтический аспект (на материале творчества Дж. Фаулза)». Рассматривая имена в романах английского писателя, исследовательница демонстрирует, как их истинная или поэтическая этимология оживает в художественных текстах. Один из примеров – реэтимологизация в романе «Волхв» названия Фраксос. «Сакральная “центральность” уединенного места в романе “Волхв” кодируется и в имени греческого острова, где происходит “игра в Бога”, – Фраксос (*Phraxos*). По версии самого Фаулза, которую он излагает в кратком предисловии к греческим стихотворениям из своего первого изданного поэтического сборника, название *Phraxos* этимологизируется как “огороженный (забором)” остров (от греч. φράζω ‘закрывать’)» [Тарабакина, 2011, с. 130–132]. Эта этимология ассоциируется с и.-е. *g^(h)erd^(h)* – “огороженное пространство” – одно из обозначений модели мира, «и ее англосаксонской версией (ср. др.-англ. *geard* букв. “ограда”, использовавшееся впоследствии для обозначения мира в целом), и усиливает уединенную замкнутость островного мира, подчеркивая важность *границы*, отделяющей профанную периферию от сакрального центра и *создающей* пространство, где становится возможным посвящение в тайны бытия» [Там же]. Отношение к центру этого огороженного пространства выявляется и через значение греч. φράζος, англ. “ash”, рус. “ясень; зола, пепел”, соотносящего имя острова со священным деревом скандинавской мифологии – ясенем Игдрасиль, центром и моделью мира как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях, и одновременно древом познания, на котором происходит инициация бога Одина, обретающего мудрость и руны через самораспятие» [Тарабакина, 2011, с. 130–132].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. В результате смены научных парадигм диахронный этимологический анализ отодвинулся на периферию лингвистических исследований. В то же время наблюдается широкий интерес к происхождению отдельных слов, в том числе и среди неспециалистов. Результатом часто является сопоставление близких по звучанию или значению слов без учета точных критериев этимологического анализа. В этих условиях при установлении этимологии особенно важным представляется системный подход к этому процессу на каждом историческом срезе языка. При этом учет идеосемантической составляющей слова (или, по другой терминологии, его внутренней формы) столь же важен, как соблюдение других критериев научности этимологии (фонетического, морфологического, хронологического и др.). В свою очередь реконструкция первоначального значения слова и изучение его идеосемантики наиболее органично происходит при рассмотрении явлений рэтимологизации в художественном тексте, чему сейчас посвящен ряд лингвистических работ. Нам представляется возможным применить понятие «идеосемантика» не только к слову, но и к корню, который, собственно, и является носителем значения в широком смысле. Поэтому особенно интересным видится преломление этимологии широко распространенного и древнего корня, носителя концепта, в художественном тексте и в разных языках.

Литература

- Абаев В. И.* Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
- Алефиренко Н.* Спорные проблемы семантики. М., 2005.
- Алпатов В. М.* Предисловие // Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
- Береснева Н. И.* Философия языка. Пермь, 2008.
- Блинова О. И.* Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.
- Горнунг Б. В.* Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры // Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.
- Гумбольдт В. фон.* Избр. тр. по языкознанию. М., 1984.
- Дронова Л. П.* Синхрония и диахрония: отложенная встреча // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). С. 116–123.
- Запольская Н. Н.* Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // Именослов / Имя: филология имени собственного. М., 2004.
- Кобозева Н. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Колесов В. В.* Слово и дело: из истории русских слов. СПб., 2004.
- Колесов В. В.* История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб., 2005.
- Мотузенко Е. М.* Этимология и семантика. М., 2006.
- Нерознак В. П.* Праязык: реконструкция или реальность? // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 26–43.
- Николаева Т. М.* Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре. К 70-летию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000.

- Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1892.
- Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей. Барнаул, 1990.
- Соснин Е. В. Образы древнегерманской мифопоэтической модели мира и их реконструкция в произведениях Дж. Р. Р. Толкина. Барнаул, 2011.
- Тарабакина А. К. Языковые средства имплементации мотива: аутопоэтический аспект (на материале творчества Дж. Фаулза): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
- Толстой Н. И. Из опыта типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–46.
- Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004.
- Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.
- Трубачев О. Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2003.
- Шелепова Л. И. Русская этимология: теория и практика. Барнаул, 2005.
- Чикина Е. Е. Внутренняя форма в аспекте когнитивной лингвистики. Вып. 4. URL: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar06.htm.

Article metadata

Title: Ideosemantics as a component of etymological analysis.

Author: A.E. Sosnina.

Author's e-mail: anna.sosn@yandex.ru.

Author affiliation: Novosibirsk State Technical University.

Abstract: As a result of change of a scientific paradigm in the middle of the 20th century etymological research was driven out to the periphery of linguistics. Otherwise, we often see attempts of not absolutely competent explanation of word origin on the basis of only one phonetic similarity. In this article features of scientific etymology including ideosemantics are described which is presented as one of the elements of the etymological analysis.

Key terms: The etymological analysis, synchrony, diachronic, internal form of the word, ideosemantics, linguistic culturology.

Reference literature (in transliteration):

Abaev V. I. Stat'i po teorii i istorii jazykoznanija. M., 2006.

Alefirenko N. Spornye problemy semantiki. M., 2005.

Alpatov V. M. Predislovie // V. I. Abaev. Stat'i po teorii i istorii jazykoznanija. M., 2006.

Beresneva N. I. "Filosofija jazyka". Perm', 2008.

Blinova O. I. Motivologija i ee aspekty. Tomsk, 2007.

Gornung B.V. Edinstvo sinhronii i diahronii kak sledstvie specifiky jazykovej struktury // Sootnoshenie sinhronnogo analiza i istoricheskogo izucheniya jazykov. M. 1960.

Humboldt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M., 1984.

Dronova L. P. Sinhronija i diahronija: otlozhennaja vstrecha // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Tomsk, 2009. № 3(7). S. 116-123.

Zapol'skaja N. N. Refleksija nad imenami sobstvennymi v prostranstve i vremeni kul'tury // Imenoslov/ Imja: filologija imeni sobstvennogo. M., 2004.

Kobozeva N. M. Lingvisticheskaja semantika. M., 2000.

Kolesov V. V. Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov. SPb., 2004.

Kolesov V.V. Istorija russkogo jazyka: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij // V.V. Kolesov. SPb., 2005.

Motuzenko E. M. Jetimologija i semantika. M., 2006.

Nerznak V. P. Prajazyk: rekonstrukcija ili real'nost'? (Srvnitel'no-istoricheskoe izuchenie jazykov raznyh semej. Teorija lingvisticheskoi rekonstrukcii. M., 1988. S. 26-43.

Nikolaeva T.M. Neskol'ko slov o lingvisticheskoi teorii 30-h: fantazii i prozrenija // Slovo v tekste i slovare. K 70-letiju akademika Ju.D. Apresjana. M., Jazyki russkoj kul'tury, 2000.

Plungjan V.A. Problemy grammaticheskogo znachenija v sovremennyh morfologicheskikh teorijah // Semiotika i informatika. 1998. Vyp. 36.

Potebnja A. A. Mysl' i jazyk. Har'kov, 1892.

Proskurin S. G. Drevneanglijskaja prostranstvennaja leksika konceptualizirovannyh oblastej. Barnaul, 1990.

Sosnin E. V. Obrazy drevnegermanskoj mifopojeticheskoi modeli mira i ih rekonstrukcija v proizvedenijah Dzh.R.R. Tolkina. Barnaul, 2011.

Tarabakina A. K. Jazykovye sredstva implementacii motiva: autopojeticheskij aspekt (na materiale tvorcestva Dzh. Faulza): dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2011.

Tolstoj N.I. Iz opyta tipologicheskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava // Voprosy jazykoznanija. 1963. №1. S. 29-46.

Toporov, V.N. Issledovanija po jetimologii i semantike. M., 2004.

Trubachev O. N. Priemy semanticheskoi rekonstrukcii // Srvnitel'no-istoricheskoe izuchenie jazykov raznyh semej. Teorija lingvisticheskoi rekonstrukcii. M., 1988. S. 197-222.

Trubachev O.N. Rekonstrukcija slov i ih znachenij // Voprosy jazykoznanija. 1980. № 3.

Trubachev, O.N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan: lingvisticheskie issledovanija. M., 2003.

Shelepova L. I. Russkaja jetimologija: teorija i praktika. Baranaul, 2005.

Chikina E. E. Vnutrennjaja forma v aspekte kognitivnoj lingvistiki. Web-zhurnal, vyp. 4 Rezhim dostupa: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar06.htm.